

Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского,
вып. 5—14, Москва, 1910—1916.

Девять лет тому назад, в обращении ко мне Отделения Русского языка и словесности Академии Наук от 5 февраля 1916 г. за № 67, мне было предложено рассмотреть представленные в Отделение для соискания премий имени М. Н. Ахматова выпуски 5—12 (от слова «карандаш» на 297 стр. I-го тома по слово «рядь» на стр. 240 тома II) «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского, которые и были пересланы мне Отделением. Между тем за истекшие 9 месяцев, употребленные мною для составления отзыва, автор успел выпустить еще 13 и 14 выпуски своего словаря (стр. 241—400), доведя его до слова «тропѣвь», при чём оба выпуска были мне доставлены в сентябре и октябре 1916 г. частью Отделением Русск. яз. и слов., частью автором. Таким образом, к концу 1916 г. мы имели уже не только весь I-й том «Этимологического словаря», но и большую часть II-го. Капитальное издание, предпринятое автором на свои средства, близилось к концу. Но судьба решила иначе: начавшаяся весной 1917 г. революция и сопровождавшие ее затруднения и дороговизна печатания, а затем и смерть самого автора словаря не дали нам возможности увидеть окончание этого ценного издания.

Идя на встречу любезному предложению Отделения, я считал для себя это предложение тем более лестным, что и сам всегда при изучении живых славянских языков и языка древних памятников попутно уделял внимание этимологическим вопросам, хотя и сознавал, что исчер-

пывающий разбор всех внесенных автором слов и оценка всех предложенных им своих и чужих этимологий являются непосильными в течение столь короткого времени. В настоящее время моя статья печатается в ИОРЯС с необходимыми изменениями и дополнениями.

Первые четыре выпуска этимологического словаря А. Г. Преображенского рассмотрены в отзыве покойного академика Ф. Ф. Фортунатова, напечатанном в «Сборнике отчетов о премиях и наградах за 1911 г.», стр. 221—228, при чём акад. Фортунатов, указав некоторые недостатки словаря, а именно некритическое отношение к различным приводимым в словаре мнениям ученых и ненаучность самостоятельных разъяснений, даваемых автором в некоторых случаях (стр. 224), а также ряд неточностей и непоследовательностей в обозначении звуков различных языков и в терминологии, тем не менее отметил и крупные достоинства указанного труда, представляющего, как он выразился, «удовлетворительный в общем обзор литературы по исследованию происхождения русских слов и соответствующих им слов в других славянских языках», а потому первые четыре выпуска «Словаря» Преображенского, по мнению покойного академика, «в этом отношении могут служить полезным пособием и для лингвистов» (стр. 228). Акад. Фортунатов отмечает также, что «труд Преображенского представляет собою в русской литературе первый опыт лингвистического пособия такого рода по изучению русского языка», так как «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Горяева, напечатанный в 1896—1901 г. в Тифлисе, «составлен по другому плану». Действительно, в словаре Горяева мы не видим той систематичности сравнений, которая составляет характерную особенность словаря Преображенского; между тем как у Горяева после объясняемого русского слова приводятся обычно соответствующие слова лишь четырех славянских языков, а затем других индоевропейских без особой системы, или же, в случае заимствования, прямо слова тех языков, которые послужили источником заимствования, в словаре Преображенского мы находим сравнения в гораздо более полном и систематичном виде, а именно, здесь обычно мы встречаем прежде всего все производные слова данной основы в общерусском языке, затем соответствия других русских языков — белорусского и малорусского и

других словянских языков — старословянского, словенского, сербского, чешского, польского, кашубского, верхне-лужицкого и ниже-лужицкого, при чём сербские примеры снабжены ударениями; далее с новой строки начинаются соответствия других индоевропейских языков со ссылками на мнения ученых в различных трудах по сравнительной грамматике и в этимологических словарях различных индоевропейских языков. В некоторых случаях восстанавливается предполагаемая база данного слова и указываются словообразовательные элементы. При этом автор старался по возможности исчерпать *всю доступную ему* литературу, добросовестно собирая по крупицам в лингвистических трудах различных ученых. Конечно, можно найти немало недостатков и ошибочных сопоставлений в «Этимологическом словаре» А. Г. Преображенского частью по вине автора, частью по вине источников и пособий, которыми он пользовался. Однако можно сказать, что, если первые четыре выпуска, несмотря на замеченные в них недостатки, происходившие главным образом от подавленности автора обилием использованного им материала, в котором не всегда легко было разобраться даже опытным лингвистам, были признаны в отзыве строгого и глубокого лингвиста полезным пособием и удостоены малой премии Ахматова, то следующие, подлежащие нашему разбору выпуски должны быть признаны еще более ценными, так-как, во-первых, количество объясненных слов в них является значительно бóльшим, во-вторых, с каждым новым выпуском работа автора становится и полнее новизною привлекаемого к сравнению материала, и совершеннее по исполнению. Можно заметить, что автор, изучая многочисленные этимологические труды новейших ученых, сам постепенно усваивал более точные приемы исследования и привыкал к более точной научной терминологии.

Для объективной оценки труда Преображенского укажем настоятельную потребность русской лингвистической литературы в пособии, подобном предпринятому им на свои средства, и бросим беглый взгляд на этимологическую литературу на Западе и у нас.

Давно уже западно-европейские языки обладают этимологическими и историческими словарями для своего изучения: мы имеем обширный исторический словарь немецкого языка Якова Гримма (с 1854 г.

в Лейпциге)¹, а с 1884 г. вышло много изданий «*Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*» Фридриха Клюге (в 1899 г. уже вышло шестое издание). Обширный историко-этимологический словарь английского языка («*A new english dictionary on historical principles, founded mainly on the materials collected by the philological society, edited by James A. H. Murray*», Oxford, 1884 и след.), кажется, не имеет ничего себе равного в лексикологической литературе других языков. О словарных работах XIX столетия в Дании и Швеции см. подробные указания в I т. «*Филологических разысканий*» акад. Я. К. Грота (1885 г. или втор. изд. под ред. К. Я. Грота 1899, стр. 129—145, 182—183). Обширные исторические словари французского языка имеются с конца XVIII столетия, особенно можно отметить «*Dictionnaire historique de l'ancien langage françois. . .*» par La Curne de Sainte Palaye, Paris, t. prem. 1875, и «*Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du XI-e au XV-e siècle. . .*» par Frédéric Godefroy, t. I—X, Paris, 1880—1902.

Что касается специально славянских языков, то уже в знаменитом «*Słownik języka polskiego*» Б. Линде 1807—1814 г. польские слова не только прослеживаются в цитатах из древне-польских писателей, но и сопоставлены со словами всех прочих славянских языков. Такой же историко-этимологический характер носит и чешско-немецкий словарь Юнгманна (*Slovník českoněmecký, v Praze, I—V, 1835—1839*). К сожалению, этимологический «*Slovník staročeský*» Яна Гебауэра, выходявший отдельными выпусками с 1901 года, не доведен до конца за смертью ученого автора в 1906 г.

В новейшее время из словарей славянских языков выдаются: начатый Даничичем в Загребе в 1880 г. «*Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*», продолженный Будмани и Маретичем, но не окончанный до сих пор; начатый в Варшаве в 1898 г. «*Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryń-*

¹ Программа этого словаря, написанная Я. Гриммом, напечатана в переводе на рус. яз. в I-м томе «*Филологических разысканий*» Я. К. Грота, стр. 196—244 (или стр. 146—182 второго изд. труда Я. К. Грота, под ред. К. Я. Грота 1899 г.).

skiego i Władysława Niedźwiedzkiego; начатый Карловичем в Кракове в 1900 г. и оконченный краковским академиком Яном Лосем в 1911 г. «Słownik gwar polskich»; «Slovensko-nemški slovar» Плетершника (v Ljubljani 1894^{1/5}); «Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego» Стеф. Рамулта (1893); «Slovinzisches Wörterbuch» Лоренца (изд. Росс. Акад. Наук, ч. I—II, St.-Petersb., 1908—1912), «Словарь ниже-лужицкого языка» (вып. I, Петрогр. 1921), составленный Эрнстом Мукою. Для изучения лексического богатства живых славянских языков вечное значение имеют знаменитый словарь Вука Стефановича Караджича, дважды изданный в Вене при жизни и еще раз в Белграде по смерти автора, и бессмертный словарь «живого великорусского языка» В. И. Даля (1-е изд. 1862 г., второе 1880 г., 3-е и 4-е под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртена 1903—1913 г. — по смерти автора). Следует отметить, что за последнюю четверть XIX-го и первые 15 лет XX-го столетий вышел целый ряд областных словарей великорусских (архангельского нар. Подвысоцкого в 1885 г., олонекского Г. Куликовского 1898 г., вятского Васнецова в Вятке 1908 г.) и белорусских (смоленского Добровольского 1914 г.) после общего словаря белорусского языка Носовича (1870 г.), а также несколько небольших словарей малорусского языка, из которых наибольшую полнотой отличается «Словарь української мови» Бориса Гринченка (Київ, 1908—1909 гг.), теперь уже при все возрастающем количестве произведений изящной и научной литературы на малорусском языке далеко не удовлетворяющий, что и заставило Всеукраинскую Академию Наук озаботиться составлением нового словаря украинского языка.

Язык старославянский представлен в лексическом отношении словарями Востокова и Миклошича, но лексические богатства его в смешении с лексическими богатствами языков древнесербского и древнерусского находим и в многочисленных цитатах из памятников древнесербской и древнерусской письменности в капитальных трудах Даничича «Рјечник из књижевних старина српских» (у Биограду, 1863—1864 г.) и И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» (1893—1912 г.).

Первый *этимологический* словарь всех славянских языков («*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*») вышел в 1886 г., составленный уже престарелым в то время автором сравнительной грамматики славянских языков Фр. Миклошичем, до появления, однако, многих крупных словарных работ в области отдельных славянских языков. Этимологический словарь Миклошича вызвал ряд ценных поправок и дополнений в обширных рецензиях акад. Ф. Ф. Фортунатова (*Archiv f. slav. Phil.* XI—XII В.), А. И. Соболевского (*Ж. М. Н. Пр.* 1886, сентябрь, 143—157) и проф. Р. Ф. Брандта (*Русск. Фил.* В. 1887 и 1891 г., 216 стр.).

Но этимологическая литература продолжала расти в отдельных монографиях как до появления труда Миклошича, так и после него. За последнее сороколетие следует упомянуть в этом отношении в особенности работы Ал. Аф. Потемби, который давал заметки о происхождении отдельных слов не только в специальных работах этимологического характера («К истории звуков русск. яз.», «Из записок по русск. грам.»), но и в трудах по народной словесности, И. В. Ягича (многочисленные заметки в издаваемом им *Archiv für slav. Philologie*), Ф. Ф. Фортунатова, почти во всех своих статьях и лекциях по фонетике, морфологии и синтаксису древнеиндийского, славянских и балтийских языков попутно предлагавшего объяснения происхождения различных слов, Р. Ф. Брандта, А. И. Соболевского (многочисленные статьи и рецензии в *Р. Ф. В.*, *Изв. Отд. русск. яз. А. Н.*, *Ж. М. Н. Пр.* и друг. изданиях, особенно вышедшие отдельными отгисками «*Лингвистические и археологические наблюдения*» I—III, 1910—1914 г.), Ф. Е. Корша (статьи в академ. *Изв. Отд. русск. яз.*, сборниках «*Почетъ*», «*Пошана*» и мног. друг.), акад. Шахматова (в статьях «К истории звуков...», «О финско-кельтских и финско-славянских отношениях», «Очерк древн. периода истор. русск. яз.» II, 1915), Е. Ф. Карского («О влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие» и друг.), Ф. А. Брауна («Разыскания въ обл. гото-славянских отношений», СПб., 1899), проф. А. Л. Погодина, проф. Мсерианца («О взаимоотношениях славянских и иранских языков», *Р. Ф. В.* 1911), Микколы (об отнош. славянских и западно-финских языков

1894 г., «Urslavische Grammatik» 1913 г. и друг.), И. М. Эндзелина («Славяно-балт. этюды» 1911 г. и друг.), проф. С. М. Кульбакина, Буги, Младенова, Обнорского и мн. друг., в особенности же многочисленные исследования этимологического характера проф. Гр. А. Ильинского («Славянские этимологии», «Звук *sh* в слав. языках», «Праславянская грамматика» в 1916 г. и друг. статьи в Р. Ф. В., Изв. Отд. русск. яз. А. Н., Arch. f. slav. Phil., Indog. Forsch., Rocznik Slaw.).

Из трудов западно-славянских и западно-европейских учёных отметим этимологические разыскания чеха Иосифа Зубатого (J. Zubatý), немецких, шведских, французских ученых Гирта, Сольмсена, Цедерсена, Уленбека, Торбьернсона, Перссона, Петерсона, Агрелля, особенно Мейе (Meillet «Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», «Les alternances vocaliques» и мн. др.) и немецкого ученика Фортунатова проф. Бернекера, начавшего в 1908 г. и доведшего до буквы *М* в 1914 г. «Slavisches etymologisches Wörterbuch», составленный уже совершенно по иному плану, чем прежний словарь Миклошича, и являющийся в настоящее время лучшим славянским этимологическим словарем, принявшим во внимание все новейшие этимологические исследования.

Пока мои заметки, представленные Отделению русского языка А. Н., ждали очереди, вышла ценная работа Рейнгольда Траутмана в собрании «Göttinger Sammlung indogerman. Grammatiken und Wörterbücher»: «Baltisch-Slavisches Wörterbuch von Dr. Reinhold Trautmann o. Professor an der Universität in Königsberg. Göttingen 1923».

В виду важности для этимологических разысканий изучения этнографии, национального быта и первобытной культуры весьма ценным является издание группою ученых журнала «Wörter und Sachen», в котором принимают участие Мерингер, Пейскер, Мурко и др.

Нелишне добавить, что многие ученые потрудились над выяснением заимствованных слов в русском языке. Крупнейшие лингвисты, обладавшие знанием языков разных семейств, как Миклошич и Корш, занимались вопросом о заимствованиях из языков турецко-татарской семьи; объяснением турецких элементов в языке «Слова о полку Игореве» за-

нимались акад. Корш и Мелиоранский (см. статьи их в Изв. Отдел. русск. яз. А. Н. 1903, 1905 и 1906 г.). Заимствования из финских языков были предметом исследований русских, финских, шведских ученых (Буткова в 1842 г., Sjögren в Изв. А. Н. I—II 1852 г., Веске в 1890 г. в Казани, Микколы 1894 г., А. Л. Погодина в Варш. Унив. Изв. IV в 1904 г.), ряд которых завершился трудами Яло Калимы: «Finnische» . . . (1909 г.) и Ostseefinnische Lehnwörter im Russischen» (Helsingfors, 1915). Литовские и латышские элементы отмечались и Потебнею, и Карским, и Погодиным. Заимствования из греческого языка исследованы в книге М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды» (СПб., 1909), вызвавшей поправки и ценные дополнения в известных рецензиях акад. В. М. Истрина (Ж. М. Н. Пр.), А. И. Соболевского и особенно подробные Ф. Е. Корша в «Сборнике отчетов о прем. и нагр. за 1909 г.» (П., 1912 г.).

Заимствования из западно-европейских языков в русском языке разобраны в сочин. Д. К. Зеленина: «Германские, романские и латинские элементы, вошедшие в русский язык до XV в.» (см. отзыв академика Корша в Отчете о 1 прис. прем. Михельсона, 1905 г.) и Н. А. Смирнова: «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» (Сборн. Отд. русск. яз. А. Н., 1910 г., т. 88, стр. 1 — 399). Как общее пособие по вопросу о заимствованных словах, можно отметить небольшую книжку И. И. Огиенка «Иноземные элементы в русском языке» (Киев, 1915 г.).

Таким образом, приступая к своей работе, Преображенский имел уже множество предшественников по исследованию происхождения отдельных слов. Но по составлению этимологического словаря собственно русского современного общеупотребительного языка предшественниками Преображенского были Шимкевич и Горяев. Первый в своем «Корнеслове русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» (СПб., Тип. АН., 1842 г.) добросовестно воспользовался существовавшими в его время грамматиками и словарями и, несмотря на зачаточное состояние науки в то время, иногда дает верные этимологии. Труд Горяева «Сравнительный этимологический словарь русского языка» (Тифлис,

1896 г. — «Дополн. и поправки» 1901 г.) представляет еще шаг вперед.

Как видно из приложенного в начале 1-го тома словаря Преображенского перечня пособий, а также из печатавшихся на обложках каждого нового выпуска заглавий, дополняющих этот перечень, автор принимал во внимание не только все крупные труды по сравнительной фонетике, морфологии и этимологии, но и небольшие этимологические заметки, рассеянные в лингвистических журналах. Что это действительно все изучено автором, видно при чтении объяснений происхождения каждого слова. И понятно, что материал, привлекаемый автором, рос¹ по мере выхода в свет каждого отдельного выпуска словаря. Кроме лингвистических журналов, на которые находим ссылки в словаре, здесь цитируются сокращенно около сотни словарей и лингвистических диссертаций. Но автор пользовался, конечно, не только словарями и работами сравнительно-этимологического характера: он исчерпал много словарей и общего характера и этнографических сочинений, а также и самостоятельно изучал древне-церковно-славянские памятники, как видно из привлеченных им к исследованию известных изданий Ассеманиева и Остромирова Еванг., Саввиной книги и Супрасльской рукописи; словари же Востокова «церковно-слав. языка», Срезневского «Материалы для словаря древне-русс. языка» и Даля «Толковый словарь живого великор. языка» были постоянными спутниками автора. Можно пожалеть, что автор почти ограничился словами общерусского языка и не пользовался областными словарями, и что даже, пользуясь Далем, не исчерпал всего богатого, заключающегося в нем, областного материала. В этом мы убедимся при подробном разборе его состава сравнительно с составом словаря Даля. Несмотря, однако, на эти недостатки, мы, благодаря осторожности и добросовестности автора, привлекавшего все доступные ему пособия по изучению общерусского языка, получаем в труде Преображенского весьма ценную книгу, восполняющую крупный пробел в русской лингвистической лите-

¹ Кроме перечисленных в предисловии к 1-му выпуску I-го тома сочинений автор постепенно вводил в число пособий новейшие труды Г. А. Ильинского, А. И. Соболевского, И. М. Эйдзелина, А. А. Шахматова («Очерк др. пер. истор. русск. яз.» 1915 г.), Персона («Beiträge z. indog. Wortforschung» 1912 г.) и др.

ратуре. Имея под рукою «Этимолог. словарь русск. языка» А. Г. Преображенского, мы можем почти всегда, не тратя много времени за поисками в разных лингвистических сочинениях и журнальных статьях, ознакомиться с наиболее вероятными этимологиями *наиболее употребительных* в общерусском образованном и литературном языке слов. Идеальных требований, чтобы автор дал этимологическое объяснение всех встречающихся у образцовых писателей слов подобно академическому словарю русского языка, мы не вправе предъявлять, считая, что такое предприятие не по силам одному человеку и возможно было бы лишь после окончания академического словаря русского языка, далеко не доведенного до конца. Вследствие этого нормой объёма словарного материала, этимологическое объяснение которого мы вправе ожидать от автора этимологического словаря русского языка в настоящее время, я считал бы упомянутый нами не раз словарь В. И. Даля, которым исчерпывается главная сущность не только общелитературной, но и живой русской речи.

Приводя различные мнения ученых о происхождении тех или других слов, А. Г. Преображенский во многих случаях в кратких словах высказывает свое отношение к ним. Отметим наиболее удачные, хотя местами неполно разработанные, этимологии: *дождь*, *жена*, *жить*, *зѣлье* и *зѣлен*, *земля*, *книга*, *кон*, *конь*, *край*, *крамола*, *крыло*, *лес*, *лѣто*, *любитъ*, *люди*, *мѣд*, *межѧ*, *молитъ*, *молѳиво*, *молоко*, *мѣсяц*, *мягок*, *мука*, *мука*, *невѣста*, отриц. частиц *не* и *ни*, *нора*, *нѳров*, *печь*, *писатъ*, *питатъ*, *пить*, *пѳле*, *половоѳ* и *пѳловый* («бледный, бледножелтый»), *полоскатъ* (и древнерусск. *полокати*, угрорусск. *полокати* Гринч. старослов. *плакати*, сербск. *плѧкати*, польск. *рѳокас*), *пѳлотъ* и *пѳлоток*, *пѳлотъ* (старослов. *плѧти* — *плѧвж*), *пуатъ*, *пускатъ*, *пѳто*, *пчелѧ*, *пшено*, *раб*, *ребѳнок*, *род*, *рѳза*, *рубѳж*, *Русь*, *соль*, *сон*, *скот* и друг.

К тому, что дает Преображенский, необходимыми считаю следующие дополнения:

1) *дождь* из *dũzgjo по Воцраку, *dũskjo или *dũstjo по Бернекеру; но следовало бы указать, что для русской ф. *дождь* — *дождѧ*, старослов. *дѧждѧ*, сербской *дѧжд* — *дѧжда*, слов.-краинской *dẽž* —

dežjà... нельзя принимать праформу со звуками sk или st, которая была бы возможна лишь для чешск. dešť, малорусск. (укр.) дощ и польск. deszcz, но и польск. безл. глаг. dżdży «идёт дождь» предполагает праслов. форму со звонкими согласными zg или zd, которая и должна быть принята рядом с указанными Бернекером формами¹.

2) *Книга* < *кънига. Преображенский приводит и прежнюю этимологию Миклошича, Уленбека и Вондрака, объяснявшую слово заимствованием из древне-сев. герм. kenning, и более новую Микколы — из древне-ассир. kuniuku через посредство *kuñūga (недавно Миккола снова занялся этимологией этого слова в «Mémoires de la Société finno-oug.» 52, 1924, 187—190, сравн. изложение его статьи в «Slavia» III, 1924 г., стр. 563), при чём Миккола приводит соответствующие славянскому слову формы языков мадьярского, мордовского и западно- и восточно-осетинских говоров (зап.-осет. künuga, вост.-осет. činj), но справедливо замечает О. Гуер, излагающий содержание статьи Микколы, что и теперь неясно, откуда² и каким путем получило начало это культурное слово (Slavia, III, 1924, 563). Приводя мнения тех учёных, которые ищут источник разбираемого слова, как заимствованного языками восточной Европы, то на германском севере, то в древне-ассирийском языке, Преображенский опустил этимологии Иречка-Гебауэра от славянского *къп- «ствол, пень», к которой примкнул и А. И. Соболевский («Лингв. и археолог. наблюдения», III, 15, Р. Ф. В. LXX, 1913, 81); исконно славянским считает слово и Brückner (K. Z. XLV, 1913, 313, XLVIII, 1918, 170). А. И. Соболевский говорит об этимологии слова *книга* в связи с этимологией слова *кнут*, отрицая мнение о старом заимствовании этого слова из древне-сев. германск. knūtr «узел, сук, нарост» и возводя его к древнейшему виду *кънижть, в словообразовательном отношении подобному другим словам с суффик-

¹ Чередованию конглютинат sk, st с zg, zd посвящено обширное исследование проф. Г. А. Ильинского, уже приготовленное к печати.

² Возможно, что и в древне-ассирийском, как и в армянском, осетинском и славянских языках это слово унаследовано из того древнейшего языка, который незаметно сливался с новыми языковыми наслоениями, отлагавшимися на почве этого языка древнейшего населения большинства европейских и частью азиатских местностей.

сом *-*qt-* (*чмут, лоскут, ревут, славут*—*ичь* в Сл. о полку Игор., чешск. прилаг. *tekutý, běhutý, mohutný*, старослав. *могжть*). Производя от к. **кѣц-*, Соболевский считает основным значением слова *кѣма* «кусок дерева». Как бы автор словаря ни относился к этой этимологии (для меня всего больше сомнения возбуждает суффикс *-ма*; предполагаемое А. И. Соболевским **кѣмага* с суффиксом *-га*, как в *деревага, бедмага* и т. п., не доказано ничем, кроме загадочного польского *księga*), он должен был ее привести. Но кажется, его неполнота может быть поставлена в счёт лишь по отношению к мнениям Иречка-Гебауэра, высказанным еще в 70-х годах XIX стол. (см. ссылки у Бернекера, *Slav. Etymol. Wb. I, 664*), так как статья А. И. Соболевского вышла позднее. Мне не кажутся убедительными попытки производства того и другого слова от словянского корня **кѣц-*, и я предпочитаю производить *кнут* в качестве заимствования от др.-сев.-герм. *knōttr* (не *knūtr*) в значении «Kugel, Ball»¹ (основн. значение «узел»), при чём др.-сев.-германск. *ō*, как обычно, перешло в словянское *и* (русск. *у*), между тем как *ū* в древнейшее время дало бы при переходе в словянский язык (хотя бы и только северо-восточную его отрасль) звук *у* (в польском значении этой буквы = русск. *ы*): сравните, с одной стороны, словянск. *хъызъ* из др.-верх.-нем. *hūs-*, с другой стороны, *боукы, доума* (русск. *дума*) при готск. *boķōs, dōmjan*, др.-русск. собств. имя *Якун* из скандинавск. *Накōп* и т. п. Предполагаемая нашим почтенным ученым форма **кѣнжтъ* мне не кажется вероятной как вследствие отсутствия такой (со звуками *кѣ-* в начале) в древнерусских памятниках, так и вследствие необычности суффикса *-qt-* в образованиях имен неотглагольных: другое дело *ре(в)ут-*, *словут-* и вышеприведенные чешские прилагательные, в которых происхождение *-ut-* из прасловянского *-*qt-* является почти очевидным, между тем как такое же происхождение *-ut-* в русском *кнут*, не имеющем ясного глагольного образования, весьма сомнительно.

Говоря о слове *кѣнига*, Преображенский не опустил и др.-церк.-слов. производного от этого слова — *кѣнигъччи*, но совершенно оши-

¹ Fick, *Vergl. Wörterb. der indogerm. Sprachen. III Teil* (Torp), Göttingen, 1909.

бочно, напрасно ссылаясь при этом на Ягича, поставил суффикс *-чин* в связь с глаголом *чинить*: в упрек Ягичу можно было бы поставить лишь то, что он предполагал в *-чин* «народную этимологию» (Arch. für slav. Phil., XX, 522). Напротив вполне вероятно вместе с В. А. Погореловым¹ считать этот суффикс заимствованным из тюркского языка подобно более позднему болгарскому *джи* в *чорбаджия*, при чём нельзя не заметить такого же чередования звонких и глухих согласных в заимствованных славянами словах тюркских языков и в других случаях, объясняемого разностью времени и наречий заимствующих и послуживших источником заимствования (сравн. русск. *очаг* и сербск. *оџаџ* и обратно *базар* и *пазар*).

3) *Крамóла* (заимств. из древне-церк.-слов.) следовало бы привести и в древнерусской ф. *коромола* (Срезневск. Мат.) и в церковно-славянской форме *крамола* с ударением на конце, в пользу которого свидетельствует словенско-краинский глагол *kramoljati* «говорить». Слово *крамола* известно уже в старославянских тетра Мариинском и Зографском, в еванг. Луки XXIII, 19. Но едва ли можно утверждать, что средне-латинск. *carmula*, *carmulum* «из слав.», скорее обратно, согласно с Бернекером, примем, что и *крамола* и др.-церк.-славянский паннонизм, встречающийся нередко в житийной литературе, — производный глагол *крамолевати* = *δρουβουδαι* (напр. в жит. Нифонта л. 42^r, в издан. Рыстенка, стр. 277) — заимствованы из латинского, хотя в средне-латинский это слово могло перейти из какого-либо германского наречия, как утверждает Бернекер Sl. Et. W., приводя н.-в.-немецк. *karpen* «плакать» («wehklagen, jammer»), англо-сакс. *Karm* «Wehklage» и англо-сакс. *сугт* «шум, крик» со ссылкой на Гримма D. Wb. V, 218. Наличие древнерусских полногласных форм *коромола*, *коромоловати*, *коромольник* (грамоты XIII—XIV в., летоп. Ипат. и Новгород., Срезн. Матер. 1290) свидетельствует о существовании слов этого корня у восточных славян помимо заимствования из языка древне-церковно-славянского.

¹ В. Погорелов. Образование имен существительных с окончанием *-чин* в древне-болгарском языке. Варшава, 1914.

4) *Крыло* вместо *крило* удачно объяснено «контаминацией с *крыти*», но лучше было бы сказать: «народною этимологией» (прасл. *kri- при варианте *skri- из праязычных *krej- и *skrej-, сравн. старослов. *крило*, сербск. *крило*, чешск. *křídlo*, но польск. *skrzydło*, литовск. *skriėjù* «летаю кругами»).

5) «*Лѣсъ* — 'silva'» разработан Преображенским этимологически довольно тщательно. Автор привел более старые сближения Педерсена и Мейе с греч. *ἄλσος*, выводящие последнее из *altjos, а словянск. *lěsъ из *eltsos, возражения против этой этимологии Торбьёрсона на основании общесловянского *ě* (ъ) вместо ожидаемого в северных словянских языках (западных и восточных) *e* при перестановке *elt с прасловянским нисходящим ударением, о котором свидетельствуют сербские формы *лѣс*, *лѣјес*, а затем сопоставление Лидена в ВВ. 30, 88, с англо-сакс. *lāes*, староангл. *laesow* «луг, выгон», англ. *lessow* «пастись», к которому склоняется и Бернекер. Не думаю, однако, чтобы основным значением было «жилые места», как замечает Преображенский, а скорее «покрытое растениями пространство». Сравн. различие по значению великорусск. *луг* «травяное пространство» и старослов. *лжгъ* «лес» (*silva*), малорусск. и сербск. *лѣн* «лес на низком месте». Интересно выражение Синайского глаголического молитвенника: *или из дрѣва или из лѣса лжжънадогъ*. л. 55^b (Гейтлер, стр. 100). Сходные семасологические параллели из германских языков приводит Бернекер в Sl. Etym. W. I, 713, но соответствующий (9) выпуск его словаря вышел почти одновременно с 7-ым выпуском словаря Преображенского, очевидно, не успевшего воспользоваться замечаниями Бернекера о слове «лѣсъ».

Из литературы вопроса в новейшее время, после трудов Преображенского и Бернекера, следует упомянуть статью Брюкнера «Waldnamen und Verwandtes» (Arch. für slav. Phil. XXXIX, 1—11, 1924), который, исходя из первоначального значения 'Holz' («срубленное дерево, дрова»), сохранившегося по его мнению всего яснее в русской ф. множ. числа *лѣса* в знач. 'Baugerüst', считает неосновательными все предшествующие этимологии (Педерсена, Лидена, Бернекера) и, выражая сомнения в законе Лидена об утрате начального *ц* перед *r* и *l* и в происхождении словянских слов *lěska (> польск. *laska*) из *ulois-

qā и *lěsa «забор» из *ulois-kā, соединяет *lěсъ, *lěsa и *lěska в одну группу. Едва ли, однако, эта новая гипотеза может быть более убедительной, чем ранее приведенные, и конечно, семасиологическая сторона, — установление первоначальности значения, является самым слабым пунктом всех этимологий.

6) По поводу слова «молоко» Преображенский указывает мнения Миклошича, Уленбека и других, считавших праславянск. *melko, в виду несоединимости с базой *meleĝ-, *melĝ- (> праслов. *melz- при *mьlz- из *mьlĝ-, сравн. русск. *моло́зиво*, старослов. *мльѣсти — *мльзж, сербск. *мѹсти* — *мѹзѣм*), заимствованным из области германской, в частности из готск. *miluks*, вероятно, «от готов, поселившихся на Балканском полуострове», мнение Ягича (Arch. f. slav. Phil. VIII, 156, XI, 308) и Соболевского (Р. Ф. В. LXVI, 341), выводивших *melko от корня *melz- с уменьшит. суффиксом -ко, и предположение Янка (Wört. и Sach. I, 100) о происхождении этого слова не от *meleĝ-, а от параллельного корня со звуком k, сходное с более ранним Кирсте (A. f. sl. Ph. XII, 307) и новейшим Брюкнера (K. Z. XLV, 102): *melq-, в чередовании с *molq-- и *mьlq- (греч. *μάρπτω* «хватаю»). Но автор словаря допустил важный пропуск в литературе мнений о заимствовании слова из германских языков, а именно им не указано предположение Пейскера¹ о западно-германском *melka* на основании ф. *μέλκα*, приводимой Галеном в сочин. «Methodi medendi» VII, 4, как источнике праславянской формы, которую никак нельзя фонетически связать с формами известных исторически германских языков — готск. *miluks*, др.-исл. *miolk*, др.-англ. *meoloc*, др.-верх.-нем. *miluh*, предполагающими основную ф. *meluk. Гипотеза Пейскера² не встретила сочувствия у составителя «Словянского этимологического словаря» Эриха Бернекера, который (В. II, 34) решительно высказался против теории заимствования, склоняясь к мнениям Ягича и особенно Кирсте и Янка.

¹ Beziehungen der Slawen zu Turkotataren u. Germanen (Vierteljahrschrift für Social- u. Wirtschaftsgeschichte, Berlin, III, 1905, s. 264).

² Впрочем, справедливость требует напомнить, что предположение исходной германской формы *melka на 12 лет раньше появления сочинения Пейскера сделано было Уленбеком (Uhlenbeck), который еще в 1893 г. (Archiv f. slav. Phil. XV, 481) писал: «mlěko... aus einer Form *melka (etwa niederdeutsch)»...

Возможно, что предположения Кирсте, Янка или Брюкнера являются ближе к истине. Брюкнер справедливо обратил внимание на то, что почти все индоевропейские языки для обозначения понятия «молока» употребляют разные корни (сравни. различие в этом отношении даже ближайше родственных групп — славянской и балтийской: слов. *млѣко* — *молоко*, литовск. *pienas*). Кор. **melk-|*molk*, лежащий в основе разбираемого слов. слова, по мнению Брюкнера, тождествен с **molk-*, что в сербском *мляка* «лужа, болото», польск. *mlókisina* «род ивы», с первоначальным значением «влага», «жидкость». Исследователи славянской акцентологии пусть решают, как связать праславянское восходящее ударение слова **mǫlka* с нисходящим **mēlko* > *mēlko*. Интересные данные о различии названий «молока» в балтийских языках находим в статье Микколы «Beiträge zur baltischen Etymologie» (A. f. sl. Phil. XXXIX B., 1—2 H., 12—14), при чём литовск. *pienas* он сближает с др.-иранским *raēman* «Milch der Weiber».

7) Объясняя слово *пчела*, Преображенский привел и прежнюю этимологию от к **бжк-*, восстанавливающую праслов. ф. **бжчела* на основании форм с *бж-* некоторых древнейших текстов при малорусской ф. *бджола* (Миклошича, Видемана, Johanson'a, Вондрака, V. Sl. Gram. I, 1906, 438, 2-te Auflage 1924, s. 573), и более новую (Meillet, M. S. L. XIV, 1908, 476), восстанавливающую форму **bīčela* (**бьчела*) на основании написаний *бь-* не только в южнославянских текстах (Ассем. и Син. псалт.), но и древнерусских, обычно не заменяющих *з* на *ь* и обратно (кроме приводимого у Мейе примера из Остромир. еванг. Лук. XXIV, 42 я могу указать такой же в рукописи жит. Нифонта 1219 г. -*вьчелы* 52⁶). По Мейе мы имеем здесь слабый вид **bhī-* индоевроп. корня **bhej* с присоединением форманта *-k-* и суффикса *-el-*; родственны литовск. *bi-t-is*, др.-верх.-нем. *bīta*, прл. *besch* и друг. Но автор словаря мало обратил внимания на древнерусские памятники и варианты этого слова в живых славянских языках: ведь мы находим в древнерусских памятниках не только *бьчела*, но и *бжчела* (Сборн. 1073 г. и др.), что отмечено в XXI-ой главе «Славянских этимологий» Г. А. Ильинского (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Р. А. Н. 1918 г., т. XXIII, кн. 1, стр. 161), который справедливо замечает, что Verneker «Sl. Et. W.» I, 116

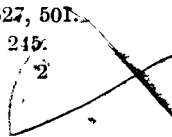
и Преображенский могли бы с большею решительностью высказаться о том, что праславянский язык знал обе формы — *bъčela и *bъčela... от параллельных звукоподражательных корней *bhūk- и *bhīk-.

8) *Róza* вслед за Уленбеком, Фиком, позднее Вондраком ставится Преображенским в связь с др.-инд. *gájuṣ* и литовским глагол. *gezgù* «плету», *gēzgis* «плетенье», при чём *разга*, *раждик* старославянских памятников удачно объясняется вслед за Meillet («Études sur l'étymologie et le vocabulaire du v. slave» II, 1905, p. 257) влиянием предлога *раз-*, объяснение же Миклошича, видевшего здесь перестановку и отождествлявшего начальное *gaz-*, *goz-* (из *og-z-) с известным предлогом-префиксом, отвергается, несмотря на то, что это объяснение поддерживали и Вальде и Бругман. Но автор словаря пропустил замечания акад. Соболевского в 1-м выпуске «Лингвистических и археологических наблюдений», где указаны случаи *я < и*. Однако, вопреки Уленбеку, Вондраку¹ и в новейшее время Траутману², принимавшим выше приведенную этимологию, связывая наше слово с литовскими глаголами *gezgù* и *gazgaũ*, кажется, придется от нее отказаться по данным акцентологии: между тем как литовские формы существительного *gēzgis* и глаголов *gezgù*, *gazgaũ* — *gazgýti* ясно указывают на нисходящую интонацию (литовск. восход. ударение) этого балтийского корня, словянское слово *рѡза* с исконным ударением на гласном первого слога, согласно указаниям языков русского, сербского (*рѡзга*, *рѡзгва*), словенского (*gŕzga*, *gŕzgvа*), предполагает исконно восходящую интонацию первого слога или, как выражался академик Ф. Ф. Фортунатов («Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, Петерб. 1922, стр. 55), «длительную долготу, так как иначе ударение было бы перенесено на конечную гласную, которая имела сама старую длительную долготу». В виду этого я принимаю ту этимологию, которая дана Фортунатовым в указанном месте его посмертно изданных лекций по сравнительной фонетике; праслов. *gŏ-* здесь получилось из некогда бывшего *zŕ* перед согласным, «и при том именно из того *zŕ*, которое произошло из о. и.-е. $\alpha \tilde{r}$ », т. е. и.-е. сочетания иррационального неслогового с *долгим сло-*

¹ Vondrák, Vergl. Sl. Gram. I (1906), 94, 470, zw. Aufl., 1924, s. 627, 501.

² R. Trautmann, Báltisch-slavisches Wörterb. (Göttingen. 1923), S. 245.

и Отд. АН, т. XXX (1925).

говым плавным. При этом предположении является понятным и значение, которое имеют соответствующие слова в сербско-словенской языковой области: «развилина», «ветка с расходящимися концами», между тем как по выше приведенной этимологии основным значением было бы «пучёк», «связка», «плётка». Неясным для меня является лишь долгое нисходящее ударение в соответствующем словенском слове вопреки краткому резкому сербского. Этимология, даваемая Фортунатовым, любопытна и в том отношении, что она позволяет объяснить и старослов. ф. **разга**: в ней является тот-же корень *ог- в полном звуковом виде, т. е. *gazga* < **orzgā*. Таким образом, в виду акцентологических данных, мы возвращаемся к оставленному в трудах новейших лингвистов, но выставленному еще Миклошичем, точнее сформулированному Фортунатовым, поддержанному Бругманом¹ и Шахматовым² предположению здесь корня *ог- | *зг-. Что касается предположенной Миклошичем связи этого *огз- с обычным префиксом *огз-, известным во всех славянских языках, то те же акцентологические основания заставляют сомневаться в ней: ведь известное всем славянским языкам приставочное ог-з-, с которым Фортунатов давно уже отождествил балтийское аг- в прусском *ag-warbs* «дрогá» и в литовском *alvaras* из *аг-варас («Лекц. по фонетике старослав. яз.», Москва, 1888 г., стр. 203—204, в посмертном изд. 1918 г. стр. 222), является обычно без ударения (редко под новым ударением, как в русском *рѳзыск*) и, конечно, имело праслов. нисходящую («прерывистую») интонацию, как показывают варианты *roz-* северных и *gaz-* южных славянских языков.

9) По поводу слова *рубѣж* 1) «край, граница» и 2) «насилие, грабеж» нужно заметить, во-первых, что Далем отмечено это слово тоже с двумя значениями и с двумя ударениями: 1) в значении «насечка, зарубка» с указанным выше ударением и 2) *рубѣж* в значении «грань» (с примерами преимущественно из старинных грамот). Второго значения, приводимого Преображенским, Даль не отмечает вовсе, но у Даля приводится еще *рубѣж*, т. е. со звуком *о* после мягкого *б* в значении действия рубки, т. е., напр., «рубѣж лѣса» в значении «рубка лѣса».

¹ Grundriss d. vergl. Gr. II, 1, 503.

² Очерк древн. пер истор. русск. яз., § 233.

В связи с словом *рубеш* в значении «насилие, грабёж» Преображенский неправильно восстанавливает (в. 12, стр. 218) форму инфинитива «руб-сти» вместо известной в новгородских грамотах XIV в. *рути*: ни *гостѣ роути в суждальской земли* читаем в грамоте 1314 г., см. издание Шахматова в I-м томе «Исследований по русскому языку», стр. 257, № 12. *Рутѣ* из **rub-ti* с праславянским выпадением *b* перед *t* (сравн. старослов. — *грѣти* < **greb-ti*, старослов. *соути*, сербск. *сутѣ* < **sup-ti*) означает «грабить, взимать налог», и конечно, не следует предполагать здесь описки вместо **рубити*, как думал читать в 1886 г. при издании грамот Шахматов (стр. 257), что ясно хотя бы из встречающейся в Новгородской летописи формы аор. *рубоща* (л. 15^а Синод. списка), которая не может быть отнесена к инфинитиву *рубити*, как прекрасно разъяснено Потебнею («К истор. звуков русск. яз.», III, 49), который понял, что здесь *рубоща* не может значить «вырезали», как думал Пыпин, а близко по значению к хорватскому и хорут. *rúbiti* «грабить», «брать в залог», словенск. *robíti* (в словенско-хорутанск. т. о. различаются два глагола: *rúbiti* и *robíti*, близкие по значению),¹ итальянскому *rubare*, немецкому *rauben*. Но странно, что и Потебня не понял, что сюда же относится выше указанное *рути*, которое он напрасно ставит в связь с *руть* в значении «трогать», также с «*рзвати*» и с литовским *ráuti*, считая, очевидно, базой то *ру-* из **гоц-*, производными от которого являются *рух-* и *рушитъ* («К истор. звуков русск. яз.», III, 91—92).

Мне кажется, от древне-русского *рути*, *рубоща* в указанном выше значении мы должны отделять слово *рубеш* «граница» и относить его к корню **rǫb-* «рубить, резать», так как обычно для обозначения земельных границ делали зарубки на деревьях, так называемые «грани» (обычное выражение великорусских грамот XVII в.). К этому относятся не только великорусские *рубить* в значении «колоть» и «шить», но и *рубѣи*, *рубѣха* и проч., польское *rębu*, *rąbek*, словенское *rǫb* «рубец, край», *rǫbelj* «обрубленный кусок дерева», *robáča* «рубаха» (Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar). Праслов. **rǫb-* восходит к индо-европ. сочетанию гласного с носовым согласным, при

¹ Словенск. *rǫp* «добыча» (Pleteršnik) — новое заимствование из немецкого

чём Преображенский удачно сопоставляет литовское *gūmbas* «рубец», *gumbūti* «обрубать», приводит и некоторые соответствия германских языков, но в виду отсутствия данных других языков, кроме балтийских и германских, трудно сказать, какой гласный мы вправе предположить перед носовым согласным, т. е. обязательно ли литовское *gumb-* сохраняет первоначальный вокализм.

Что касается слова *рубезж* в этом значении, то оно весьма обычно и в старо-хорватских глаголич. грамотах: «переговараху цица никех *рубезжи* од церовлан» (переговаривали о границах с церовлянами, т. е. от церовлян), «камик обтесан на три *рубви*, и на всаком руби едан криж висечен. . .» («Monum. histor. slavorum meridionalium, iustine hrvatske» izd. Iv. Kukuljević, u Zagrebu 1863, VI. 1325), но в них же встречаем и «*рубали* одну марку» в значении «поборов, насилия».

10) Автор словаря говорит, что слово *Русь* «не объяснено, несмотря на многочисленные попытки». Но изю всех попыток автор, ссылаясь на известное место летописи, выдвигает, как наиболее вероятное, объяснение этого слова Томсеном (Thomsen, «Der Ursprung des Russ. Staates») из шведского через финское посредство, считая источником финского *ruotsi* др. шведск. **roþs-*, *roþer-* «руль», и предполагая основное значение *ruotsi*, как сокращения **roþ-menn*, «плаватель». Из других упоминает лишь предположение Потебни, считавшего («К истор. звуков русс. яз.», II, 15) в 1879 г. это слово не заимствованным, а исконным славянским, происходящим от того индо-европ. к. **ars-*, который является в греческом ἄρστυ «мужеский», др. инд. *r̥sabha* «бык», зенд. *aršap* «самец», при чём принимается исконное значение этого корня «орошение», «оплодотворение», указанное еще Курциусом (Grundr.² 307), а в славянском языке маловероятное изменение *ar-* > *ru-*. Нелишним считаем вспомнить, что Потебня, сопоставляя это слово с названием реки *Рось* и со словом *русло*, которое, однако, вслед за Бугой Преображенский удачно выводит от к. **reus-* «течь», принимает его основным значением «муж, мужи»¹. Против этой этимологии, с точки зрения со-

¹ Это значение, по мнению Потебни, возникло в качестве национального лишь тогда, когда несколько восточных славянских племен соединились вместе в один русский народ, сначала только на юге восточно-славянской области.

временных выводов по истории звуков праславянского языка, кроме проблематичного изменения аг > ги, при чём еще не разграничено основное аг — от греческого αρ < г и от основного ег-, не малым возражением является консонантизм: как после г, так и после и достаточно доказан праславянский переход s > x. Но можно пожалеть, что автор словаря пропустил ссылку на книгу проф. Брауна (1899 г.) «Разыскания в области гото-славянских отношений» I, стр. 4—18. Ф. А. Браун до некоторой степени подготовил данное академиком Шахматовым объяснение пути, которым шло слово *русь* к славянам. Разбирая *готскую* теорию происхождения Руси Будиловича, Браун указывает мнение Куника, высказанное в примечании к «Каспию» Дорна (приложение к XXVI т. Запис. А. Н., № 1, 1875 г.), о возможности производства имени «русь» от древнегерманск. *hǫðr- (стр. 5). Указывая на то, что в словах, несомненно заимствованных славянами у готов, готскому ð всегда соответствует славянское и (русск. буква у), как напр., из готского bōka слов. *буки*, *бук*, готск. dōms, dōmjan > слов. *дума*, *думати*, Браун говорит (стр. 15), что «вокализм *руси* . . . прекрасно подходит», но что того же, однако, нельзя сказать о консонантизме: из h мы ожидали бы x (как «*хлбъ*» из готского hlaiþs», *хъизъ*, откуда и русское *хмизина*, из hūs), хотя соглашается, что в период норманский в заимствованиях из древнесеверного языка h в начале слов перед согласным исчезал (*Руаръ* Олегова договора < древнесев. hǫbarr); переход же ð в s он считает невероятным, хотя сознается, что мы не имеем ни одного славянского слова, несомненно заимствованного из готского, на котором мы бы могли проверить это (16). Но приходя к заключению о невозможности прямого заимствования слова «русь» из готского, Браун, ссылаясь на указание Куника («Каспий», 437 . . .), что финские обозначения шведов Ruotsi, Rôts, Ruossi и т. п. могли произойти из *hǫðr-, предполагает, что это слово могло быть первоначально названием материковых готов и перенесено финнами сперва на готов острова Готланда, а затем и на «гаутов» южной Швеции, откуда «шаг к обозначению этим именем шведов вообще был очень легок» (Браун, стр. 17).

Вскоре после выхода в свет (1915 г.) 12-го выпуска словаря Преображенского, заключавшего этимологический разбор слов, начинав-

шихся с *p*, появились труды Шахматова, в которых высказаны важные соображения о переходе финского названия Швеции *Ruotsi* в Русь, т. е. об изменении финского *ts* в русское *s* (*c*), так как русское *ц* было в то время мягким звуком, не тождественным с *ts* («Введение в курс истории русского языка», 1916 г., стр. 67, «Древнейш. судьбы русского племени», 1919 г., стр. 52). Как бы мы ни объясняли финск. *ruotsi* — из *gōř-* «руль» или из *hgōř-* «слава», финское посредство принять необходимо, как путь перехода этого слова к восточным славянам.

Б. Ляпунов.

(Продолжение следует).